

Международный экологический фонд
ИНСТИТУТ НООСФЕРНЫХ РАЗРАБОТОК И ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю. Ю. Н о в и к о в

ПОДВИЖНИК ЦЕРКВИ И МЕДИЦИНЫ

**(посвящается 130-летию со дня рождения
В. Ф. Войно-Ясенецкого – архиепископа Луки)**

М о с к в а

2008

ББК 5д Войно-Ясинецкий В.Ф.

Новиков Ю.Ю.

Подвижник церкви и медицины (посвящается 130-летию со дня рождения В.Ф. Войно-Ясенецкого – архиепископа Луки)/Предисл. Б.Г. Режабека. – М., Ин-т ноосферных исследований и разработок, 2008. – 43 с.

В настоящей брошюре рассмотрены этапы жизненного пути, медицинской, научной деятельности и священнического служения В.Ф. Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки). Освещён его вклад в отечественную хирургию как учёного, так и врача-практика. Сделан акцент на подвижническую работу В.Ф. Войно-Ясенецкого в эвакогоспиталях в годы Великой Отечественной войны. Показана его теологическая и гуманитарная миссия как автора научно-богословских работ и руководителя епархий Русской Православной церкви.

Брошюра предназначена для студентов медицинских и других ВУЗов, аспирантов, преподавателей, научных сотрудников и широких кругов читателей, интересующихся жизнью, деятельностью и творчеством замечательного человека – В.Ф. Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки).

ББК 5д Войно-Ясенецкий В.Ф.

Отпечатано с готового оригинал-макета

© Новиков Ю.Ю.
© Институт ноосферных разработок и исследований

Архиепископ Лука - служение продолжается

(п р е д и с л о в и е)

Имя Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого равно дорого как истинным христианам, так и истинным служителям науки. В 1988 г. Русская Православная Церковь начала освобождаться от чудовищного пресса коммунистического режима, «вавилонского пленения» в котором она находилась, как и «древле Израиль, бывший в пленении 72 года». Сегодня мы видим, как возрождаются монастыри, как наполняются храмы, как растёт уважение к Церкви со стороны властей предрержащих. Этому нельзя не радоваться, несмотря на попытки использовать Церковь, как это пытались делать коммунисты, в целях управления «массами». Надеюсь, что со временем власть поймёт, что у Церкви иные задачи.

Порой грустно видеть, как оживают и застарелые болезни церковного сознания, во многом, по моему убеждению, послужившие отталкиванию от Церкви мыслящей интеллигенции конца XIX века, в результате чего она кинулась в объятия марксова учения, обещавшего скорое построение «рая на земле» не только без благодатной помощи Божией, а в гордом отвержении самих представлений о Творце, о задачах, которые Он ставит перед человеком и ответственности человека, самовольно не желающего исполнять Его заповеди. Одним из проявлений этой болезни было сопротивление некоторых верующих, включая и священников, научному мировоззрению, неспособность с уважением относиться к достижениям науки, будь то астрономия (Коперник), физика (Кельвин и Клаузиус) или биология (учение об эволюции, отнюдь не сводимое к идеям Дарвина, которые вызывают сегодня глупейшие атаки со стороны тех, кто «не желает происходить от обезьяны», вплоть до судебных разбирательств). Нежелание и неумение воспринимать истины, за которые наука отвечает и ручается, свидетельствует лишь о лениности ума, а не о наличии каких-либо фундаментальных противоречий между наукой, говорящей о том, как устроен мир, и религией, говорящей о месте и назначении человека в этом мире, о его роли в нём. Сегодня многие учёные - физики, математики, биологи – осознают ошибку, совершенную в XIX веке и начинают более серьёзно относиться к учению Церкви, хотя это и сопряжено для многих с не меньшими трудностями, чем изучение теоретической физики для профессиональных богословов.

Архиепископ Лука даёт нам и сегодня пример того, как человек, безусловно знающий науку и понимающий её значение, в то же время является истинным служителем Церкви, несущим свет и любовь людям, к которым он приходит и в качестве врача недугов телесных, и в качестве пастыря, излечивающего недуги духовные и направляющие души людей к спасению в Жизни Вечной.

Святитель Лука, моли Бога о нас, грешных!

Директор Института ноосферных исследований и разработок Международного экологического фонда, академик и член президиума Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, действительный член и председатель секции «Философские проблемы ноосферы» Российского философского общества

Б.Г. Режабек

Среди православных подвижников XX века особое место занимает врач и священнослужитель В.Ф. Войно-Ясенецкий (преподобный Лука). Он был не только человеком науки, выдающимся хирургом, философом, но и архипастырем и исповедником. Валентин Феликсович прошёл тернистый путь гонений и, когда началась Великая Отечественная война, будучи в ссылке, просил разрешить лечить раненых, чтобы принести пользу Родине. Святитель Лука был причислен к лику Святых как человек, который в тяжелейшие годы репрессий сохранил своё пастырское служение, пронёс своё исповедничество Церкви Христовой до конца своих дней. Жизнь архиепископа Луки была всецело посвящена Богу. Подобно святому Евангелисту Луке, он много послужил ближним даром врачебного искусства и внёс значительный вклад в развитие медицины. Богу он послужил как верный проповедник Христовой веры, не щадя для этого своей жизни.

Выдающийся отечественный врач, религиозный деятель и философ В.Ф. Войно-Ясенецкий родился 14 (с. ст.) апреля 1877 г. в Керчи в семье обедневшего шляхтича, служившего провизором, и был крещён по православному обряду. В автобиографии Валентина Феликсовича написано: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костёл и подолгу молился дома. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В нашей православной семье он, как католик, был несколько отчужден. Мать усердно молилась дома, но в церковь, по-видимому, никогда не ходила. Причиной этого было её возмущение жадностью и ссорами священников, происходившими на её глазах» [Войно-Ясенецкий В.Ф. (архиепископ Лука), 1995].

У родителей Валентина Феликса Станиславовича и Марии Дмитриевны было пятеро детей. В 1870-е годы они переехали в Кишинёв, а в конце 1980-х годов - в Киев, в этих городах юный Валентин получил гимназическое образование. Уникальный православный центр - Киево-Печерская Лавра - оказал глубокое влияние на формирование его веры. Правильное представление о Христовом учении он вынес из текстов Нового Завета, который, по старому обычаю, он получил от директора гимназии вместе с аттестатом зрелости как напутствие в жизнь, и усердное чтение которого произвело неизгладимое впечатление на юношу.

С детства у Валентина была страсть к рисованию, и параллельно с гимназией он окончил в 1896 г. Киевскую художественную школу, в которой проявил немалые способности, участвовал в одной из передвижных выставок, где представил небольшую картину, изображающую старика-нищего, отмеченную премией. Влечение к живописи у него было настолько сильным, что по завершении среднего образования Валентин решил поступать в Императорскую Академию художеств в Петербурге.

Во время вступительных экзаменов Валентин ещё раз задумался о правильности выбора жизненного пути. После недолгих колебаний он принял решение, что должен заниматься не тем, что нравится, а тем, что полезно для страдающих людей и должен поступить на медицинский факультет Киевского университета. Но поскольку все вакансии уже были заняты, Валентину пришлось поступить на юридический факультет, где он в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право. Однако ещё год Валентин провёл в поисках жизненного пути и усиленно занимался рисованием и живописью, учился в частной школе искусств в Мюнхене, при этом оставаясь строгим адептом Православной веры. Вернувшись в Киев, он каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки увиденного.

Тогда же Валентин пережил увлечение толстовством. В становлении его духовного мира немалую роль сыграли идеи Льва Николаевича, с которым юноша вёл переписку. В своих письмах к Толстому он обращал внимание на боль и страдания простого народа и рассказывал о своём стремлении служить идеалам гуманизма. В частности, Валентин писал в письме Л.Н. Толстому 30 октября (с. ст.) 1897 г.: «...Я знаю, что в деревнях люди голодают, и мне нужно ехать к ним, чтобы помочь, поучиться у них». Идеи толстовства, подвижничества, народничества привели к тому, что Войно-Ясенецкий окончательно бросил занятия живописью. У него стало преобладать стремление быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, и он, несмотря на нелюбовь к естественным наукам, поступил на медицинский факультет Киевского университета.

В 1898-1903 гг. Валентин учился на медицинском факультете Киевского университета имени Святого благоверного князя Владимира. На 3-м курсе он увлёкся топографической анатомией, много работал в морге. Об этом говорится в его воспоминаниях: «Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах». Знания, полученные по нормальной анатомии, нормальной физиологии, топографической анатомии и оперативной хирургии, в будущем помогли Валентину во время врачебной практики, сформировали в нём убежденного последователя анато-физиологического направления в хирургии, заложенного ещё великим Н.И. Пироговым [Рашкин Л.А., Новиков Ю.Ю., 2005]. В университете определилось и его призвание - хирургия. Выпускные экзамены В.Ф. Войно-Ясенецкий сдал блестяще и получил диплом лекаря с отличием.

Осенью 1903 г., сразу после выпускных экзаменов в университете, он начал стажироваться в глазной клинике в Киеве. Амбулаторного приёма и операций молодому врачу казалось недостаточно, и он стал приводить больных к себе в дом. «Наша квартира, - вспоминала сестра Валентина Феликсовича Виктория, - превратилась на какое-то время в глазной лазарет. Больные лежали в комнатах, как в палатах. Валентин лечил их, а мама кормила». Сострадательность к бедным людям, горячее стремление помогать им, привитые ещё с детства, определили его желание стать на всю жизнь простым земским врачом. Но разразилась русско-японская война.

В военном госпитале Киевского Красного Креста под Читой началась самостоятельная медицинская практика В.Ф. Войно-Ясенецкого как хирурга. Главный врач поручил недавнему выпускнику заведовать одним из двух хирургических отделений - и не ошибся: операции, проводимые Валентином Феликсовичем, проходили безупречно, неудач не было. В работе ему очень помогла недавно вышедшая блестящая книга французского хирурга Ф. Лежара «Неотложная хирургия», которую он основательно проштудировал перед поездкой на Дальний Восток. Войно-Ясенецкий, не имея специальной подготовки по военной хирургии, делал большие ответственные операции на костях, суставах, на черепе с хорошими результатами.

Здесь же Валентин Феликсович познакомился с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской, которую в госпитале называли «святой сестрой». Она покорила молодого врача не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера. В госпитале два врача просили её руки, но она предпочла Войно-Ясенецкого.

После свадьбы, в апреле 1905 г. Валентин Феликсович решил уехать на работу в земство. «Хочу быть врачом для народа», - объяснял он своё решение близким и друзьям. Ещё до окончания войны молодожены переехали в городок Ардатов Симбирской губернии, где Войно-Ясенецкий поступил врачом в Ардатовское земство. Ему пришлось заведовать городской больницей на 50 коек. В трудных условиях он сразу стал оперировать по всем направлениям хирургии и офтальмологии. В Ардатове молодому хирургу также пришлось наблюдать тяжелое осложнение в результате наркоза. И тогда у Валентина Феликсовича зародилась мысль заняться поисками более безопасной анестезии и заменить общий наркоз местной анестезией.

Чтобы иметь время для исследовательских занятий, он решил перейти на работу в маленькую больницу и в октябре 1905 г. переехал в село Верхний Любаз Фатежского уезда Курской губернии. Здесь Войно-Ясенецкому приходилось быть одновременно хирургом и акушером, терапевтом и педиатром, офтальмологом и стоматологом.

В маленькой участковой больнице на 10 коек он вскоре приобрел такую славу, что к нему шли больные со всех сторон, и из других уездов Курской губернии и даже из соседней Орловской губернии.

В это время в стране полыхала революция. Валентин Феликсович, хотя считал себя «мужицким врачом», не принимал в ней участие. Он только рассуждал о положении народа, его страданиях, бедствиях, нищете, бесправии и забитости, но насилие отвергал. Войно-Ясенецкий считал и был уверен в том, что зло, гнёт, эксплуатацию и социальную несправедливость можно ликвидировать только через религиозный гуманизм, христианскую духовность и любовь, через веру в Спасителя.

В Любаже у Валентина Феликсовича было несколько редких в то время хирургических операций, о них он там же написал две первые статьи: «Элефантиаз лица, плексиформная неврома» и «Ретроградное ущемление при грыже кишечной петли». Здесь под влиянием книги профессора Г. Брауна «Местная анестезия, её научное обоснование и практические применения» у Войно-Ясенецкого возник интерес к регионарной анестезии, и он поставил себе задачу заняться разработкой её новых методов. В Любаже в 1907 г. у Войно-Ясенецких родился первенец Михаил, а в следующем году - дочь Елена.

В 1908 г. земской управой Валентин Феликсович был переведен в уездную Фатежскую больницу, но там ему не пришлось долго работать. Председатель земской управы за то, что Войно-Ясенецкий немедленно не отправился, оставив все дела, к заболевшему исправнику, уволил его со службы. Однако это решение вызвало волнение вылеченных Валентином Феликсовичем пациентов, и они были готовы громить земскую управу.

Стремление к медицинским исследованиям, к которым он проявил склонность, будучи ещё студентом, привело его в Москву, где Войно-Ясенецкий около года был экстерном хирургической клиники профессора П.И. Дьяконова. Здесь он овладел богатым научным опытом. По установленным правилам все врачи-экстерны должны были писать докторскую диссертацию. Так как выбранная Валентином Феликсовичем тема по регионарной анестезии требовала анатомических исследований и опытов с инъекциями окрашенной желатины на трупах, то ему пришлось перейти в Институт топографической анатомии и оперативной хирургии при медицинском факультете Московского университета, директором которого был профессор Ф.А. Рейн, председатель Московского хирургического общества. В 1908-1909 гг. в журнале «Хирургия» появились первые научные работы В.Ф. Войно-Ясенецкого, посвященные вопросам обезболивания.

Однако средства не позволяли Валентину Феликсовичу жить в Москве с женой и двумя маленькими детьми, и он вынужден был уехать в село Романовку Балашовского уезда Саратовской губернии и работать там в больнице на 25 коек. Теперь он совмещал

врачебную деятельность с научной. О своих хирургических результатах он выпустил отдельной книжкой отчёт по образцу отчётов клиники профессора П.И. Дьяконова. Работу по регионарной анестезией он продолжал в Москве во время ежегодных месячных отпусков, работая с утра до вечера в институте профессора Ф.А. Рейна и у профессора П.И. Карузина при кафедре анатомии. Здесь Войно-Ясенецкий исследовал триста черепов и нашел очень ценный способ инъекции ко второй ветви тройничного нерва. Незадолго до отъезда семьи Войно-Ясенецких из Романовки в 1910 г. родился сын Алексей.

С 1911 г. Валентин Феликсович работал главным врачом и хирургом уездной больницы на 50 коек в Переславле-Залесском (так как он находился ближе к Москве), одновременно заведую в 1915–1916 гг. небольшим госпиталем для раненых. В уездной больнице он организовал лабораторию, для которой приобрёл на собственные средства микроскоп и другое необходимое оборудование. Здесь Войно-Ясенецкий одним из первых в России стал делать сложнейшие операции на почках, желудке, кишечнике, даже на сердце и мозге. Прекрасно владея техникой глазных операций, он многим слепым возвращал зрение. Во время пребывания в Переславле-Залесском Валентин Феликсович решил обобщить свой опыт в книге, посвящённой гнойной хирургии. Он составил план книги и написал предисловие. Тогда, как вспоминал Войно-Ясенецкий в своей автобиографии, у него появилась необычная неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа». И именно в Переславле-Залесском Валентин Феликсович, несмотря на огромную загруженность в земской больнице, в воскресные и праздничные дни, стал регулярно посещать местную церковь, где у него было даже своё место. В Переславле-Залесском в 1913 г. родился его младший сын Валентин.

В 1915 г. в Петрограде вышла книга В.Ф. Войно-Ясенецкого «Регионарная анестезия», прекрасно иллюстрированная автором, к тому времени им было опубликовано 19 из 42 научно-медицинских работ. В 1916 г. он блестяще защитил в Московском университете докторскую диссертацию. Оппонентами были профессор П.И. Карузин и профессор А.В. Мартынов. Последний, давая работе отзыв, сказал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил её». Диссертация была удостоена Варшавским университетом премии имени Хойнацкого.

В марте 1917 г. В.Ф. Войно-Ясенецкий, пройдя серьёзный конкурс, получил приглашение в Ташкент на должность главного врача и ведущего хирурга городской больницы. За короткий срок и здесь Валентин Феликсович завоевал заслуженный авто-

ритет как искусный врач и хороший организатор лечебного дела [Кассирский И.А., 1989]. В тот же год он стал председателем Союза врачей Ташкента. После большевистской революции по клеветническому доносу нерадивого подчинённого, работавшего в морге и воровавшего спирт, Войно-Ясенецкий был арестован. Но он тем не менее был оправдан по приговору «чрезвычайной тройки», вершившей красный террор.

Как прекрасный специалист Валентин Феликсович был весьма востребован советской властью. Особенно это проявилось, когда в 1918 г. решили укрупнить городскую больницу, передав для неё здание закрытого кадетского корпуса, в котором также была организована среднемедицинская школа. Войно-Ясенецкий активно участвовал в этих мероприятиях и одновременно стал читать будущим средним медработникам курс анатомии.

В 1919 г. у жены Валентина Феликсовича обострился туберкулёз, которым она заразилась от своей сестры, и Анна Васильевна 13 ноября внезапно скончалась, оставив его с четырьмя детьми на руках. Операционная медсестра ташкентской больницы Софья Сергеевна Велецкая взяла вскоре заботу об их воспитании (во времена арестов и ссылок Войно-Ясенецкого, ставшего на путь служения Церкви, она заменила им мать).

Вскоре Валентин Феликсович узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и стал ходить на его заседания. По одному из обсуждавшихся вопросов он выступил с довольно большой речью, которая произвела прекрасное впечатление и, как сообщается в воспоминаниях, «перешла в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы». Протоиерей Михаил Андреев, настоятель приокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Войно-Ясенецкий часто бывал на этих собраниях и проводил религиозные беседы.

В сентябре 1920 г. согласно решению Совнаркома РСФСР в Ташкенте организовали университет, в составе которого был образован медицинский факультет, сформированный на базе среднемедицинской школы. В.Ф. Войно-Ясенецкий стал профессором кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии. Валентин Феликсович старательно готовился к лекциям, не считаясь с временем для отдыха. Великолепные лекции Войно-Ясенецкого собирали полную аудиторию. Слушать его приходили не только студенты, но и многие городские врачи.

В это время в Ташкенте свирепствовали малярия, холера и сыпной тиф. Голод на Волге гнал в Туркестан массы голодающих. Они вповалку лежали на вокзале: оборванные, покрытые вшами. Налицо были признаки эпидемии: сыпнотифозные

больные и трупы скапливались возле больничных ворот. Перед нескончаемым потоком страдальцев у Войно-Ясенецкого опускались руки, хотя он почти круглые сутки работал в больнице. Остановить эпидемию могли только решительные государственные меры. Трагическая обстановка многолетней кровавой войны и разрухи наряду со смертью любимой жены обострила религиозные чувства Валентина Феликсовича. Уместно отметить, что и Н.И. Пирогов, последователем которого был В.Ф. Войно-Ясенецкий, под влиянием социальных потрясений, увиденных и пережитых во время Кавказской и Крымской войн, стал очень религиозным человеком [Рашкин Л.А., Новиков Ю.Ю., 2005].

В 1920 г. в больнице, где работал Валентин Феликсович, произошёл такой случай. В операционной изначально висела икона Божьей Матери, оборотясь на которую, медработник имел обыкновение осенять себя перед операцией крестным знаменем. Заведено это было так давно и исполнялось так часто, что неверующие перестали обращать на это внимание, а верующие считали делом самым обычным. Однако ревизионная комиссия Ташкентского горкома партии приказала икону убрать. В ответ на это Войно-Ясенецкий ушёл из больницы и заявил, что вернется только после того, как икону водворят на место. В это время крупный партийный работник привез в больницу для неотложной операции свою жену. Женщину мог бы прооперировать любой хирург, но она категорически заявила, что никакого другого врача, кроме Валентина Феликсовича, не желает. Войно-Ясенецкого вызвали в больницу, но он подтвердил, что очень сожалеет, но, согласно своим религиозным убеждениям, не пойдет в операционную, пока икону не повесят обратно. Только когда доставивший больную партчиновник заявил, что икона будет висеть на месте, Валентин Феликсович немедленно прооперировал больную.

В конце 1920 г. произошло событие, которое изменило всю жизнь Войно-Ясенецкого. Во время епархиального съезда духовенства и мирян Валентин Феликсович выступил с горячей продолжительной речью. Епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий, восторгаясь глубиной и искренностью его веры и деятельным знанием им Слова Божия, сказал: «Доктор, Вам надо быть священником!» «Хорошо, Владыка! Буду священником, если это угодно Богу!», - ответил врач. В начале февраля 1921 г. он принял духовный сан и стал диаконом, а через неделю, в праздник Сретения Господня епископ Иннокентий рукоположил В.Ф. Войно-Ясенецкого в иерея. Епископ назначил его четвертым священником Сергиевского собора и поручил ему всё дело проповеди. Архиерей напутствовал нового священнослужителя словами апостола Павла: «Ваше дело не крестити, а благовестити».

Проповеди при богослужениях теперь совершали епископ Иннокентием и иерей Валентином, который также проводил каждое воскресенье после вечерни долгие беседы

на богословские темы, привлекавшие многих слушателей. Большой цикл этих бесед был посвящён критике материализма. В связи с этим отцу Валентину пришлось спешно изучать богословие. И в этом деле ему оказал помощь один из прихожан - верующий букинист, который приносил ему много богословских книг. Вскоре недавно рукоположенный священник стал часто проводить успешные публичные диспуты с отрёкшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавившим при новой власти антирелигиозную пропаганду в Средней Азии. И это - в тревожное время воинствующего безбожия, когда в результате коммунистического террора изгонялись и подвергались репрессиям сотни священнослужителей. В 1921 г. находящийся в Ташкенте известный чекист Я.Х. Петерс сфабриковал там «дело врачей» и выступил общественным обвинителем против Войно-Ясенецкого. Он спросил врача-священника: «Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы его видели ,своего Бога?»

«Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил», - с достоинством отвечал Валентин Феликсович. После этого обвинение против него с треском провалилось.

Иерей Валентин услышал призыв Божий стать воином Христовым, встать на защиту Православной Церкви, оскорбляемой и гонимой. Услышал - и со всей преданностью ответил. В ужасное время разнузданной атеистической пропаганды, когда некоторые священнослужители, испугавшись, снимали с себя сан, он, повинувшись божественному наитию, начал успешно священствовать. Отныне два служения - священника и врача – до конца дней стали неразрывным его поприщем. Подобно замечательным пастырям – отцу Павлу Флоренскому и отцу Сергию Булгакову, отец Валентин получил благословение Патриарха Московского Тихона не оставлять своей научной деятельности [Никитин В., 1997].

И действительно Войно-Ясенецкий продолжал чтение лекций на медицинском факультете, вёл общественно-научную деятельность, а по ночам занимался медицинскими исследованиями. На первом съезде врачей Туркестана проходившем 23–28 октября 1922 г. он выступил с четырьмя большими докладами, в которых делился с коллегами своим богатейшим хирургическим опытом. Этот съезд поддержал два практических предложения Валентина Феликсовича: лечить туберкулезных больных на курортах (солнцелечение в Чимганских горах, грязелечение в Молла-Кара и Яны-Кургане) и помочь провинциальным медикам освоить некоторые наиболее необходимые в условиях Туркестана глазные операции. В конце съезда Войно-Ясенецкий, несмотря на нежелание партийных властей, был избран председателем Союза врачей Туркестана.

Вскоре Валентин Феликсович, работая в морге, заразился сыпным тифом. Болезнь протекала очень тяжело, особенно её первый приступ. Однако вера в Бога помогла Войно-Ясенецкому преодолеть заболевание, которое он воспринял как «божественное испытание», и в начале 1923 г. он выздоровел.

В 1922-1923 гг. большевистское правительство наряду с небывалой антирелигиозной пропагандой и изъятием под предлогом борьбы с голодом церковных ценностей усилило репрессии против священнослужителей. В 1922 г. было расстреляно 45 видных священников и епископов, в том числе митрополит Вениамин, более 250 священнослужителей получили по приговору длительные тюремные сроки. Совершенно беспрецедентными были факты суда и расстрела в марте 1923 г. главы Католической церкви России кардинала Циплака и ареста в апреле 1923 г. Предстоятеля Русской Православной церкви патриарха Тихона. В это же время ГПУ инспирировала в рядах церкви раскол, тайно поддерживав созданную группой отколовшихся от Православия священников «Живую церковь». В мае 1922 г. эта самозванная группа объявила себя представителями всех православных. В июле «живоцерковники» создали Всероссийское Церковное управление. Обновленческая, или «живая», церковь немедленно заявила, что она не признает патриарха Тихона, приветствует любые требования Советов к церкви и начала захватывать православные храмы.

Начавшийся в Москве раскол скоро докатился и до Ташкента. Обновленцы и тут принялись занимать приходы и церковные должности, захватили они и Ташкентский кафедральный собор. Однако архиепископ Иннокентий выступил со смелой проповедью о том, что необходимо сохранять верность Церкви Православной и Патриарху Московскому Тихону и не входить ни в какие сношения с «живоцерковным» епископом, приезда которого ожидали. В этой ситуации иерей Валентин всецело поддержал архиепископа и заявил, что всем, кто станет молиться в «живо-церковном» соборе, он откажет в исповеди и причастии.

Весной 1923 г. престарелый архиерей Иннокентий созвал съезд духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии, который должен был избрать двух кандидатов на возведение в епископский сан. Выбор пал на архимандрита Виссариона и иерея Войно-Ясенецкого. Но неожиданно два видных протоиерея епархии, на которых вполне надеялись, перешли в раскол, к ним присоединились и другие. Тогда архиепископ Иннокентий поспешил совершить хиротонию архимандрита Виссариона. Совместно с епископом Сергием, недавно переведенным в Ташкент из ашхабадской ссылки, он совершил полным чином наречение в епископа архимандрита Виссариона. Но на другой же день нареченный епископ был арестован и выслан из Ташкента. Преосвященный Иннокентий был очень испуган и тайно ночью уехал в Москву. В этой критической

ситуации иерей Валентин Войно-Ясенецкий и протоиерей Михаил Андреев объединили всех оставшихся верными священников и церковных старост, устроили собрание священников и членов церковного совета, отвергнувших «живую» церковь и взяли на себя управление епархиальными делами. Священник Валентин стал протоиереем и настоятелем собора.

Незадолго до этих событий в Ташкент перевели из Ашхабада ссыльного епископа Уфимского Андрея (князя Ухтомского). В церковных кругах личность эта была незаурядная, незадолго до ссылки он получил от патриарха право хиротонии в архиерейский сан. Преосвященный Андрей одобрил избрание Войно-Ясенецкого кандидатом на посвящение в епископы собором ташкентского духовенства и тайно постриг его в монашество. Как написано в автобиографии Валентина Феликсовича: «Он говорил мне, что хотел дать мне имя целителя Пантелеймона, но когда побывал на Литургии, совершенной мною, и услышал мою проповедь, то нашел, что мне гораздо более подходит имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки».

Обряд рукоположения в епископы требовал участия двух архиереев. После отъезда преосвященного Иннокентия другого архиерея, кроме епископа Уфимского Андрея, в Ташкенте не оказалось. Но владыка Андрей нашел выход из положения: он направил Войно-Ясенецкого со своим письмом в Пенджикент, где отбывали ссылку епископ Волховский Даниил и епископ Суздальский Василий. Преосвященные Даниил и Василий очень доброжелательно встретили преподобного Луку. Прочитав письмо епископа Андрея, они решили назначить на завтра литургию для совершения хиротонии. Их только смущало то обстоятельство, что Войно-Ясенецкий не был архимандритом, а был только иеромонахом, и не было наречения его в сан епископа. Однако они недолго колебались, вспомнили ряд примеров посвящения в епископа иеромонахов и утвердились в своём решении. На следующее утро, 31 мая 1923 г., епископы, а также отбывающий здесь ссылку московский протоиерей Свендицкий и иеромонах Лука отправились в церковь Святителя Николая Мирликийского. Заперли за собой дверь и не звонили, а сразу начали службу и в начале литургии совершили хиротонию Войно-Ясенецкого в сан епископа. Когда об этой хиротонии сообщили находящемуся под арестом патриарху Тихону, он сразу же утвердил её и назначил епископа Луку архиереем Туркестанским и Ташкентским.

В воскресенье, 3 июня, в день памяти равноапостольных Константина и Елены, епископ Лука провёл свою первую архиерейскую службу в кафедральном соборе. Свою первую воскресную всенощную и литургию он служил только с одним протоиереем Михаилом Андреевым. В алтаре присутствовал преосвященный епископ Андрей Уфимский (все священники собора перешли в «живую» церковь).

Через неделю епископ Лука спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, он читал правила к причащению Святых Тайн. В 11 часов вечера раздался стук в наружную дверь – приехали сотрудники ГПУ арестовывать епископа. Появление ночных гостей нисколько его не встревожило. Внутренне Войно-Ясенецкой был давно готов к этому. Невозмутимо попрощался с детьми, Софьей Сергеевной Велецкой и сел в машину. Однако те дни, что епископ Туркестанский и Ташкентский провёл на свободе, были днями напряжённой борьбы с «живоцерковниками». Каждую минуту, ожидая ареста, преподобный Лука только и делал, что внушал верующим и причту свою страстную ненависть к церковному подлогу. Ему удалось составить завещание, которое полностью нарушило общественный покой в городе [Роровский М., 1979]. Документ, перепечатанный на машинке, стали раздавать в церквях уже утром 11 июня. В этом кратком завещании, написанном, возможно, за несколько часов до ареста явственно проявились характер епископа Луки и его этическая программа.

Советской власти надо было арестовать епископа Луку за верность патриарху Тихону, за противодействие «живоцерковникам». К тому же власть раздражало не скрываемое священнослужителем возмущение по поводу репрессий к духовенству и особенно расстрелов православных архиереев, кардинала Циплака и ареста патриарха Тихона. Войно-Ясенецкому было предъявлено обвинение в связях с оренбургскими контрреволюционными казаками и одновременно - с англичанами, которые он осуществлял якобы через турецкую границу.

Ночью, как это было принято у чекистов, епископа Луку вызвали на допрос. Начальник городского отделения ГПУ допрашивал его о политических взглядах и отношении к советской власти. Как вспоминал в автобиографии Войно-Ясенецкий: «Услышав, что я всегда был демократом, он поставил вопрос ребром: так кто же вы - друг наш или враг наш? Я ответил: "И друг ваш и враг ваш, если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш"».

Во время предварительного заключения Войно-Ясенецкий продолжал работать над «Очерками гнойной хирургии». Чтобы завершить первый том книги, ему оставалось дописать последнюю главу о гнойных болезнях среднего уха. В камере писать было невозможно, и преподобный Лука обратился к начальнику тюрьмы с просьбой предоставить ему для научной работы специальное помещение. Как ни странно, разрешение последовало. Арестованному епископу разрешили после окончания рабочего дня занимать тюремную канцелярию и там писать свою книгу до отбоя. Книгу удалось завершить. В августе 1923 г. Войно-Ясенецкого отправили в Москву в распоряжение

центрального аппарата ГПУ для окончательного решения его дела. Когда он уезжал, поезд задержался с отправлением, так как несколько десятков верующих легли на рельсы. Они не желали отпускать своего дорогого пастыря. Так жители Ташкента продемонстрировали врачу, профессору и епископу свою любовь и преданность.

В Москве преподобному Луке в течение недели разрешили жить на частной квартире. За это время он дважды встречался с патриархом Тихоном, который к тому времени был освобождён из-под ареста, и один раз в церкви Вознесенья в Кадашах служил с ним литургию. Патриарх посоветовал врачу-епископу наряду с церковной службой не оставлять занятия медициной.

При вторичной явке в ГПУ Войно-Ясенецкого арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму. Здесь у него произошёл сердечный приступ, и его отправили в тюремную больницу. В ноябре 1923 г. Войно-Ясенецкий был переведён в Таганскую тюрьму, где он перенёс тяжёлый грипп - около недели пролежал в сорокаградусной горячке. В начале декабря был вынесен приговор – 3-летняя ссылка в Енисейск. Вместе с епископом отправлялся в ссылку его соратник ташкентский протоиерей Михаил Андреев. В Тюмени к ним присоединился ещё один ташкентский священник - Илларион Голубятников. В Енисейск они прибыли в январе 1924 г., при этом состояние здоровья у преподобного Луки было расстроенным – после перенесённого полтора года назад сыпного тифа у него развился миокардит.

Разместившись в частном доме, священнослужители стали проводить в нём богослужения, поскольку в храмах Енисейска служили местные священники, склонившиеся в «живоцерковный» раскол. Служба по традиционному чину собирала много народа, и квартира ссыльных священнослужителей в короткое время стала местом, где верующие открыто выражали несогласие с официальным церковным курсом.

В Енисейске Войно-Ясенецкий предложил главному врачу местной больницы свои услуги как хирурга. После первых же сложнейших и удачно проведенных операций к ссыльному хирургу-епископу пошёл народ из окрестных сёл и деревень. Бескорыстно и самоотверженно служил преподобный Лука местным жителям своим медицинским искусством. Популярность врача раздражала местное начальство, бескорыстие вызывало зависть коллег-врачей. Например, однажды епископ вернул зрение целой семье слепцов, страдавших катарактой, причём бесплатно.

Однако произошедшие два события обострили его отношения с городским начальством. Войно-Ясенецкий осмелился открыть храм, запертый по решению райисполкома, и отслужил в нём литургию. После этого епископа вызвали в местное отделение ГПУ. Держался он с достоинством, и заявил, что виноватым себя не считает и

впредь намерен возносить хвалу Богу в специально построенных для того храмах, и добавил, что единственными хозяевами над собой признает Бога и патриарха. Непокорному священнослужителю объявили выговор. Вскоре к врачу-священнику явились милиционеры, один из которых за день до того спяну упал с телеги и получил травму. Между преподобным Лукой и милиционерами произошел следующий диалог:

- Вот пришли к вам лечиться, доктор...

- Я коммунистов-безбожников лечить не стану. Я исцеляю с помощью Господа нашего Иисуса Христа, а вы в него не верите.

После этого в марте 1924 г. городское начальство, к тому же подстрекаемое местными врачами-завистниками, арестовало Войно-Ясенецкого и отправило его вместе с двумя священниками ещё дальше - на Ангару, в деревушку Хая, состоящую из восьми дворов, – дикое и безлюдное место.

Летом 1924 г. они были возвращены обратно в Енисейск. Однако пастырская активность епископа Луки, рукоположение им новых священников было неприемлемо для местных властей. Войно-Ясенецкого, теперь уже одного отправили в новую ссылку, в Туруханск. Здесь он также самоотверженно трудился в местной больнице. В операционной, как и в Ташкенте и Енисейске, у него неизменно стояла икона с теплившейся пред ней лампадой, до операции он всегда творил молитву, ставил йодом на теле больного крест, и лишь затем начинал оперировать. А по воскресным и праздничным дням преподобный Лука совершал божественные службы в храме Свято-Троицкого мужского монастыря, закрытого советской властью.

В начале 1925 г. В.Ф. Войно-Ясенецкий послал поздравительную телеграмму академику И.П. Павлову, который недавно отметил 75-летний юбилей. В ответ Иван Петрович очень радушно написал слова благодарности и сочувствия «изгнанному за Христа на край света» коллеге. Сохранился текст телеграммы И.П. Павлова: «Ваше преосвященство и дорогой товарищ! Глубоко тронут Вашим теплым приветствием и приношу за него сердечную благодарность. В тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих по-человечески, остается одна опора - исполнение по мере сил принятого на себя долга. Всею душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве. Искренне преданный Вам Иван Павлов».

Пастырско-проповедническая и общественная активность ссыльного епископа вызывала постоянное неприятие местной власти. Начальник районного отделения ГПУ отправил непокорного священнослужителя ещё дальше на север, за Игарку, в деревню Плахино. Войно-Ясенецкий находился на грани гибели в бескрайней тундре в лютые морозы, в избёнке с вмороженными вместо стекол льдинами. Но вот как вспоминал он об

этом впоследствии: «Я почти реально ощущал, что со мной - Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня». Однако в это время в Туруханской больнице умер крестьянин, нуждавшийся в неотложной хирургической помощи, которую мог оказать только Войно-Ясенецкий. Этот случай так возмутил туруханских крестьян, что они решили устроить погром райсовета и райотделения ГПУ. Власти были напуганы и немедленно вернули преподобного Луку в Туруханск, где он работал в больнице, оперировал, а по воскресениям и праздникам ездил в Свято-Троицкий монастырь проводить службы.

Летом 1925 г. у Войно-Ясенецкого открылась трофическая язва на голени. Ему разрешили выехать для лечения в Красноярск. Там тоже епископ Лука продолжал пастырскую деятельность, что было неприемлемо для краевых властей. Неожиданно ему было объявлено о досрочном (на несколько месяцев) окончании ссылки и предписано немедленно покинуть Красноярск. Отслужив в храме рождественскую литургию, преподобный Лука поездом 7 января 1926 г. выехал из Красноярска. По дороге в Ташкент Войно-Ясенецкий посетил родителей, которые теперь жили в Черкассах. Трогательна была встреча стариков с сыном, ставшим профессором хирургии и епископом. Во время этой встречи он отслужил панихиду над могилой его умершей сестры Ольги.

Вернувшегося в Ташкент врача-епископа ждали новые неприятности. Он, квалифицированный хирург, не мог найти работу. Дети его, находившиеся на попечении С.С. Велецкой, несмотря на её самоотверженность, бедствовали. Ташкенсткой епархией в это время руководил находившийся здесь в ссылке митрополит Никандр. Жалобы и доносы священников, а также вызванные ими предложения от патриаршего местоблюстителя перевести епископа Луку в другое место вынудили его подать прошение об увольнении на покой. С 1927 г. профессор-епископ, лишенный как церковной, так и университетской кафедры, просто проживал в Ташкенте, по воскресеньям служа в Сергиевском соборе, и ежедневно принимая на дому больных, число которых достигало четырехсот в месяц. Как и прежде, приём пациентов был бесплатным. Теперь ему помогал в качестве медрегистратора сын Алексей.

Одновременно Войно-Ясенецкий продолжал работать над рукописью «Очерки гнойной хирургии». Он участвовал в заседаниях Ташкентского хирургического общества. В период 1926-1930 гг. врач-епископ принимал участие в прениях по докладам, а однажды даже продемонстрировал коллегам операцию непосредственного переливания крови от донора к реципиенту из сосуда в сосуд. В 1920-е годы в Москве энтузиаст этого метода врач и философ А.А. Богданов основал первый в стране Институт переливания крови. Он предложил широко использовать переливание крови как терапевтический и даже

профилактический приём. (Сам одиннадцать раз ложился на эту операцию и погиб на двенадцатом переливании в 1928 г.). Поэтому по поводу этого метода много спорили. Войно-Ясенецкий заявил себя умеренным сторонником гемотрасфузий. Вводить больному чужую кровь, по его мнению, следовало лишь в том случае, когда врач видит для этого необходимые хирургические показания.

Отстранённый от руководства епархией архиерей, лишенный студенческой аудитории профессор, ученый, чьи научные книги не печатались, а проповеди замалчивались, тем не менее, оставался владыкой множества человеческих душ. Его чтили, к нему обращались не только за благословением, но и за разрешением семейных и бытовых конфликтов. Маленький домик, в котором он жил, превратился в своеобразное «государство в государстве». А этого власти не могли терпеть. Уже в начале 1929 г. они принялись искать повод, чтобы выслать преподобного Луку. То обстоятельство, что он не нарушал государственных законов и местных постановлений, не имело никакого значения.

Весной 1930 г. стало известно, что Сергиевский собор предназначен к разрушению. В отчаянии епископ Лука принял решение отслужить в день закрытия последнюю литургию и перед тем, как в храм должны будут явиться разрушители, запереть церковные двери, снять и сложить грудой на середине церкви все крупные деревянные иконы, облить их бензином, в архиерейской мантии взойти на них, поджечь бензин спичкой и сгореть на костре. Однако закрытие храма было почему-то отложено. Преподобный Лука 23 апреля 1930 г. последний раз отслужил литургию в Сергиевском соборе и при чтении Евангелия с полной уверенностью утвердился в мысли, что в этот же день вечером будет арестован. Так оно и случилось. А уже после его ареста храм закрыли.

На допросах от епископа требовали отречения от священнического сана. Тогда Войно-Ясенецкий объявил голодовку протеста, после которой эти требования больше не выдвигались. Вскоре врач-епископ получил приговор: ссылка в Архангельск на 3 года. По прибытии на место ссылки ему позволили заниматься амбулаторным приёмом больных. В Архангельске Валентин Феликсович активно занялся медицинской деятельностью: полдня он проводил в амбулатории на приёме, потом шёл в больницу. Оперировать ему запрещалось, но больничные хирурги тайком пользовались его консультациями, а если поблизости не было начальства, то разрешали ассистировать. Домой преподобный Лука добирался поздно вечером и принимался за чтение присланных дочерью медицинских журналов и книг. Делал выписки из историй болезни, не оставляя мысль издать когда-то свою главную книгу - «Очерки гнойной хирургии». Перед сном погружался в чтение Библии. День начинался утренней молитвой, завершался вечерней. Ссылный желал ходить в церковь, но все храмы в Архангельске были закрыты.

В 1933 г. Войно-Ясенецкий обнаружил у себя плотную опухоль и подал в областное отделение ОГПУ заявление с просьбой выехать для лечения в Ленинград или Москву. Ему разрешили, и епископ отправился в Ленинград, где был помещён в большую клиническую больницу, в хирургическое отделение профессора Н.Н. Петрова, крупнейшего онколога. Профессор Петров отнесся к врачу-епископу с большим вниманием и сделал операцию. Вырезанная опухоль оказалась доброкачественной. Возможно (об этом писал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», но документальных сведений не имеется), во время этого приезда в Ленинград В.Ф. Войно-Ясенецкий встречался с 1-м секретарём Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кировым, который предлагал ему создать свой научно-исследовательский институт при облздравотделе, но при этом отречься от сана, но это было неприемлемо для епископа. Затем преподобный Лука ненадолго поехал в Москву и посетил в Ново-Девичьем монастыре, уже закрытом, митрополита Серафима, который его весьма любезно принял.

К концу ссылки осенью 1933 г. особоуполномоченный Коллегии ОГПУ вызвал врача-епископа в Москву и течение 3-х недель ежедневно беседовал с ним на предмет отказа от церковного служения, обещая при выполнении этого условия хирургическую кафедру в одном из московских мединститутков, но опять бесполезно. В то же время в Москве преподобный Лука явился в канцелярию патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, секретарь которого спросил епископа, не хочет ли он занять одну из свободных архиерейских кафедр. Войно-Ясенецкий отказался, потому что в этот момент у него созрел план создания Института гнойной хирургии. И преподобный Лука отправился в Министерство здравоохранения РСФСР хлопотать об этом, причём он однозначно решил для себя, что никакие условия, связанные с отказом от священства принимать не будет. Нарком здравоохранения М.Ф. Владимирский не принял Войно-Ясенецкого, но заместитель наркома, по свидетельству самого профессора-епископа, отнесся к его планам «сочувственно». Обещал даже поговорить с Л.Н. Фёдоровым, директором Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), который переводили из Ленинграда в Москву. Однако Фёдоров отказался предоставить Войно-Ясенецкому даже заведование профильным научно-клиническим отделением. Теперь ему приходилось покинуть Москву, так и ничего не добившись. Для преподобного Луки начался непродолжительный период метаний.

На обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал ему ехать в Крым, чтобы затем занять епископскую кафедру. Преподобный Лука последовал этому совету и поехал в Феодосию. Но желание заниматься хирургией и научными исследованиями подтолкнуло Войно-Ясенецкого вернуться в Архангельск. Там два месяца он снова

принимал больных в амбулатории, надеясь получить кафедру в открывающемся медицинском институте, но это тоже не удалось.

Весной 1934 года, Валентин Феликсович поехал в Ташкент повидать детей. Но долго оставаться в городе он не мог, поскольку глава Ташкентской епархии митрополит Арсений дал понять епископу Луке, что двум архиереям нечего делать в одном епархиальном центре. В Ташкенте он даже не смог получить должность хирурга. Войно-Ясенецкому пришлось уехать в Андижан, где он получил должность хирурга-консультанта в городской больнице. В Андижане он получил, наконец, долгожданную возможность оперировать. К тому же андижанские медики приняли профессора весьма почтительно. Его просили читать курс хирургии для специалистов и сделать несколько докладов о хирургическом лечении злокачественных опухолей.

Однако через два месяца после приезда в Андижан Войно-Ясенецкого поразила лихорадка Папатачи, осложнившаяся отслойкой сетчатой оболочки левого глаза. Возникла реальная угроза потерять глаз. Епископ воспринял трагический недуг как выражение божественного негодования за нежелание заниматься пастырской деятельностью. Ему пришлось оставить Андижан и искать помощи в Москве, где врачи незадолго до этого освоили операцию швейцарского офтальмолога Гопена, с помощью которой удавалось закрепить сетчатку на месте и тем спасти больному зрение. Профессор В.П. Одинцов дважды оперировал преподобного Луку. Первая операция не удалась. Однако вторая была удачной, и зрение было восстановлено.

Но другие несчастья обрушились на Войно-Ясенецкого. Его старший сын Михаил в результате железнодорожной катастрофы получил несколько ран, в том числе и тяжелейший перелом ноги и был доставлен в тяжёлом состоянии в одну из больниц Ленинграда. Не закончив лечение, отец помчался из Москвы в Ленинград, надеясь помочь сыну. Но Михаилу он не помог, а в результате повредил недолеченный глаз и окончательно лишился левостороннего зрения. Одновременно в психиатрическую больницу с тяжёлым нервным срывом попал другой его сын, Алексей. Преподобный Лука счёл случившееся ничем иным, как наказанием Божьим. В его душе началась тяжба с самим собой, неприметная для окружающих, но изнурительная для него самого. В чём суть внутреннего работорства? Спор в душе священника и учёного шёл отнюдь не между верой и научным мировоззрением. Вера была крепка, и научный поиск никак не покушался на её основы. Войно-Ясенецкого волновало другое: допустима ли для епископа работа в операционной и в морге? Будет ли Бог достаточно снисходителен к тому, кто во имя любой другой идеи откажется от пастырского обета?

Тяжелые переживания несколько рассеялись к осени 1934 г., когда вышла из печати его книга «Очерки гнойной хирургии». То была лишь малая часть того, что он написал по этой проблеме, но и в таком, урезанном виде он с нетерпением ждал свою книгу более десяти лет. В этот том была вложена почти вся его предыдущая жизнь. После десяти лет непризнания Войно-Ясенецкий заявил о себе как крупный оригинальный ученый, как первооткрыватель в малоисследованной области хирургии. Теперь, как ему казалось, уже никто не сможет отказать ему в праве занять достойное положение, никто не закроет перед ним двери операционной и студенческих аудиторий. Действительно, монография произвела громадное впечатление на современников, находивших, что нет другой книги в этой области медицины, написанной с таким знанием дела и с такой любовью к страдающему человеку. На многие годы и даже десятилетия «Очерки гнойной хирургии» стала настольной книгой хирургов. Её ставили в один ряд со всемирно известными монографиями французского хирурга Г. Мондора и блестящими книгами С.С. Юдина. Прекрасный отзыв о книге дал выдающийся отечественный хирург И.И. Греков.

В начале 1935 г. профессор вновь поселился в Ташкенте, где получил работу в НИИ неотложной помощи, теперь в его распоряжении была главная операционная института. Но искусная хирургическая деятельность вызывала зависть менее квалифицированных медиков. Первый нарком здравоохранения Туркестана И.И. Орлов, которого Войно-Ясенецкий критиковал за врачебный непрофессионализм, развязал против него травлю в печати, необоснованно обвиняя в применении опасных непроверенных методов.

В июне 1935 г. произошел случай, который существенно укрепил авторитет профессора-епископа. В Совнарком, наркомздрав Узбекистана и подведомственный ему НИИ неотложной помощи, где работал Войно-Ясенецкий, поступили срочные правительственные телеграммы из Таджикистана. Хирурга приглашали вылететь в Сталинабад (Душанбе) для срочной консультации. Незадолго до этого на Памире во время альпинистского похода случился приступ аппендицита у управляющего делами Совнаркома СССР Н.П. Горбунова. Местный хирург удалил аппендикс, но занес в операционную рану чрезвычайно опасную анаэробную инфекцию. В результате у больного началась гангрена клетчатки, окружающей кишечник. По своему положению высокопоставленный альпинист имел право на самую квалифицированную помощь, какая только существовала в стране. К тому же состоянием его здоровья интересовался из Москвы сам председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов. Республиканское медицинское начальство пришло в смятение. И тут кто-то вспомнил про ташкентского хирурга-священнослужителя.

Без лишних разговоров он сел в кабину санитарного самолета и через три часа был в Сталинабаде. Прямо с аэродрома совнаркомовская машина доставила хирурга в больницу. Жизнь Горбунова висела на волоске. Сталинабадские врачи вообще считали его обречённым. И были близки к истине: жить их пациенту оставалось бы несколько часов, если бы не Войно-Ясенецкий. Оценив состояние больного, он потребовал доставить срочно противогангренозную сыворотку и приступил к операции. Хирург предпринял то единственное вмешательство, которое способно было остановить трагический ход событий: рассёк больного от пупка до позвоночника, широко раскрыв операционную рану, впустил воздух в брюшную полость. Инфекционный процесс разом захлебнулся: возбудитель гангрены не переносил кислорода. Подоспевшая вовремя сыворотка добила инфекцию, больного удалось спасти. У таджикских руководителей отлегло от сердца. Наркомздрав Таджикистана решил пригласить Войно-Ясенецкого на работу в Сталинабад. К тому же здесь жил с семьёй его старший сын Михаил, работавший патологоанатомом. Как раз во время пребывания преподобного Луки в Сталинабаде 31 июля у него родился первый внук.

Ему предложили солидную должность главного хирурга наркомздрава Таджикистана и возможность работы по совместительству в новой республиканской больнице. Поначалу Войно-Ясенецкого заинтересовало это предложение. Но в конце концов он отклонил его, мотивировав свой отказ тем, что в Сталинабаде не было православной церкви, и вернулся в Ташкент. Здесь отношение к врачу-епископу явно переменилось. С конца 1935 г. он руководил 3-им, самым большим корпусом НИИ неотложной помощи и одновременно кафедрой хирургии Ташкентского института усовершенствования врачей. Профессора с сотрудниками соединяла прочная нить, ведь он был прирождённый учитель, а они - жадно стремились перенять его опыт. Врачи 3-го корпуса твёрдо усвоили: защитить кандидатскую диссертацию, в общем-то, дело несложное, а второго такого учителя, как Войно-Ясенецкий, у них не будет. Поэтому никто из них не гонялся за учёными званиями, но знаниями, которые давали его операции и патологоанатомические разборы, дорожили. Давно преподобному Луке не было так хорошо и спокойно, как в 1936-м – начале 1937-го г. Кончились нелады с собой и с Богом. Всевышний благословил его исследования в хирургии и анатомии. Дети выросли, и жизнь их постепенно устраивалась. Михаил прочно обосновался в Таджикистане, он становился учёным-патологоанатомом. Алексей со студенческой скамьи начал работать в Ленинграде у физиолога Л.А. Орбели, выдающегося ученика И.П. Павлова. Валентин заканчивал медицинский институт в Ташкенте. В апреле 1937 г. в НИИ неотложной помощи торжественно отметили 60-летие выдающегося врача и учёного. Незадолго до этого Войно-Ясенецкому в связи с необходимостью частых разъездов была предоставлена служебная машина.

Однако в 1937 г. начался страшный для церквей период власти секретаря ЦК ВКП(б) и наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, начались массовые аресты духовенства и всех других, подозреваемых во вражде к Советской власти. Поход власти против «врагов народа» отпечатался в сознании епископа Луки как пора гонений, главным образом против Православной церкви. 24 июля 1937 г. чекисты опять арестовали профессора-священнослужителя. Вначале ему предложили отречься от сана. Но это было неприемлемо для Войно-Ясенецкого, о чём говорится в его автобиографии: «Мне твердят: сними рясу - я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до самой смерти». Затем ему и группе среднеазиатского православного духовенства предъявили дикое обвинение в создании «контрреволюционной церковно-монархической организации», в «шпионаже в пользу иностранной разведки», а ему лично – ещё и в «шпионаже в пользу Ватикана» и убийстве больных на операционном столе. От него требовали подписать протоколы со лжесвидетельствами, но Войно-Ясенецкий их не подписывал. Во время допросов преподобный Лука претерпел карцер, побои, издевательства, бессонные чекистские «конвейеры». В автобиографии он вспоминал об этом: «Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации». В отчаянии измученный заключённый готов был предпринять попытку самоубийства, что было пресечено недремавшими охранниками.

В конце 1938 – начале 1939 г. Ежов был отстранён от руководящих должностей и затем арестован. Тогда же Войно-Ясенецкий послал члену Политбюро ЦК ВКП(б), наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову письмо с просьбой дать возможность закончить свою работу по гнойной хирургии, очень необходимую для нужд военной медицины. В это время подследственным были сделаны некоторые послабления: прекратились конвейерные допросы, было разрешено принимать передачи от родственников. Летом 1939-го, стоя у железных ворот, можно было даже заглянуть в дырочку, пробитую в тюремном заборе гвоздём, через которую дочь епископа Елена дважды видела отца во время арестантской прогулки. Как-то прождав возле тюремной ограды целый день, она получила от отца записку: «Через сутки буду дома». Но ни через сутки, ни через неделю домой он не пришел. Переданная санитаром тюремной больницы записка сообщала: «Меня обманули, не выпускают, возобновил голодовку». Голодал преподобный Лука в тот раз 18 дней. Тем не менее, следователи ничего не добились, протоколов он не подписывал. Поэтому его выслали в Сибирь в административном порядке на 3 года.

В Красноярске Войно-Ясенецкого и его ссыльных товарищей недолго продержали в пересылочной тюрьме на окраине города и оттуда перевели в село Большая Мурта, около 130 километров от Красноярска. Там вскоре ему предоставили работу в районной больнице и разместили в комнате при ней вместе с тамошним врачом и его женой. После тюремных злоключений преподобный Лука довольно быстро окреп и развил активную хирургическую работу в большемуртинской больнице. Из Ташкента ему прислали много историй болезней из гнойного отделения НИИ неотложной помощи, и он имел возможность, благодаря этому, написать новые главы своей книги «Очерки гнойной хирургии». В ноябре 1940 г. учёного-священника вызвали в большемуртинское отделение НКВД, где объявили, что ему разрешено ехать в Томск для работы в библиотеке медицинского факультета университета (возможно, это было результатом письма к К.Е. Ворошилову). Там за два месяца он успел перечитать всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, французском и английском языках и сделал необходимые выписки.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война, и Войно-Ясенецкого как опытного врача стали привлекать для освидетельствования призывников. Большемуртинский военком Соболев вспоминал об этом, что по просьбе военкомата профессор обследовал несколько «подозрительных» допризывников и разоблачил симулянтов. Один деревенский парень, чтобы не идти на военную службу, втёр себе в глаза какую-то ядовитую траву, другой, распарив в бане ногу, загнал под кожу керосин. Как патриот преподобный Лука считал защиту Отечества одной из главных функций общества, поэтому уклонение от военной службы считал аморальным, независимо от личных обстоятельств будущего солдата и того, каков политический облик армии.

Летом 1941 г. Войно-Ясенецкий думал только о завершении новой редакции «Очерков гнойной хирургии». Он писал сыну Михаилу: «Я очень порывался послать заявление о предоставлении мне работы по лечению раненых, но потом решил подождать с этим до окончания моей книги, которую буду просить издать экстренно, ввиду большой важности её для военно-полевой хирургии». Но в августе 1941 г., так и не завершив эту работу, священник-хирург обратился к секретарю Большемуртинского райкома партии с просьбой предоставить соответствующую его квалификации работу по лечению раненых. Об этом секретарь райкома П. Мусальников вспоминал: «Он (*Войно-Ясенецкий*) был у меня на приёме, когда началась война в 1941 году. Он пришел и заявил следующее: "Правительство правительством, но я русский человек, квалифицированный врач-хирург, могу предложить свои услуги и помощь в лечении раненых солдат и офицеров нашей армии"». Тогда же профессор-епископ послал формальному главе государства - Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину телеграмму

следующего содержания: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». В результате Войно-Ясенецкого назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 1515 и хирургом-консультантом всех эвакогоспиталей, размещённых в Красноярске. Вечером 30 сентября преподобный Лука сообщал из Красноярска сыну: «Завтра же начнём оперировать. Прервалась на время моя работа над последней главой об абсцессе легкого, но я взял с собой материал и надеюсь писать здесь».

Несмотря на очень большую загруженность лечебной работой, епископ не оставлял пастырского служения. В Красноярске он совмещал лечение раненых с церковной деятельностью и во все воскресные и праздничные дни проводил проповеди. Но за это начальник крайздраотдела Астафьева, проявляя большую ретивость, чем военно-медицинское начальство, несколько раз в присутствии посторонних делала Войно-Ясенецкому грубые замечания. Но он смиренно не возражал, как будто не слышал её слов, занятый своей работой. В 1942 г. срок ссылки у преподобного Луки закончился. Священный Синод Русской Православной церкви приравнял медицинскую деятельность епископа к доблестному архиерейскому служению, возвел в сан архиепископа и назначил его главой Красноярской епархии. Волей Божией владыка возвратился к полноценному архиерейскому служению. В начале марта 1943 г. после усиленных хлопот новый архиепископ добился открытия маленькой кладбищенской церкви святителя Николая в Николаевке близ Красноярска.

Да, ситуация несколько изменилась. Об этом Войно-Ясенецкий писал сыну Михаилу 5 марта 1943 г.: «После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен Архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий. Я думаю, что резко изменилось отношение правительства к церкви: всюду открываются и ремонтируются за счёт горсовета храмы, назначаются епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом комиссии по немецким зверствам, издана тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров и притом роскошно книга "Правда о религии в России"». Через двадцать два года епископ Лука, перед тем за свою веру трижды арестованный и сосланный, снова свободно произносил проповеди в церкви и лекции в госпитале. На дверях его квартиры появилась табличка, извещающая публику, что по церковным делам он принимает во вторник и пятницу с 6 до 8 вечера. В то время как современники, кто с изумлением, кто с ухмылкой,

взирали на это «чудо», Валентин Феликсович оставался совершенно невозмутим. В новом, а по существу возвращённом ему старом положении он никакого чуда или противоречия не усматривал. В день, когда исполнилось двадцать лет его рукоположению в епископы (31 мая 1943 г.), преподобный Лука напомнил своему сыну давнюю поездку из Ташкента в Пенджикент: «Это было начало того тернистого пути, который мне надлежало пройти... Но зато был и путь славы у Бога. Верю, что кончились страдания...»

В это время произошли определённые политические изменения в отношении государства к Православной церкви. Ещё в сентябре-октябре 1941 г. перестали выходить все антирелигиозные издания, затем перестал существовать Союз воинствующих безбожников, насчитывающий многомиллионный актив (а его глава Е.М. Ярославский умер в кремлёвской больнице после неудачно выполненной операции). Теперь вождь партии и государства, Верховный главнокомандующий Сталин в ответ на сбор церковью средств на формирование бронетанковой колонны послал патриаршему местоблюстителю Сергию следующую телеграмму: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Указание об открытии специального счёта в Госбанке дано. Сталин».

В начале 1943 г. все десять тысяч коек в госпиталях Красноярского эвакурайона были полностью заняты ранеными, а фронт посылал всё новые и новые эшелоны. Красноярск на мобилизационной карте значился самым дальним городом, куда доходила волна медицинской эвакуации. И эта даль давала себя чувствовать и раненым, и врачам. К тому времени, когда, преодолев семь тысяч километров, санитарные поезда довозили свой живой груз до берегов Енисея, многие раны успевали нагноиться, костные ранения оборачивались запущенными остеомиелитами. Именно эти осложнения умел эффективно лечить Войно-Ясенецкий. «Раненые солдаты и офицеры очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами», - вспоминал он в своей автобиографии. Посетивший госпиталь № 1515 инспектор эвакогоспиталей профессор Н.Н. Приоров говорил, что ни в одном из очень многих госпиталей, которые он объезжал, он не видел таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у хирурга-архиепископа. В Новосибирске на конференции хирургов госпиталей Сибирского военного округа 24–29 марта 1943 г. Войно-Ясенецкий был с восторгом встречен своими коллегами. Доклад на очень важную для хирургов тему о лечении огнестрельного остеомиелита слушали, затаив дыхание.

Вскоре он писал сыну: «Второго мая я послал Сталину письмо о своей книге с приложением отзыва о ней Приорова и предисловия Мануйлова. В этом предисловии профессор Мануйлов положительно до небес вознес мою книгу и ярко подчеркнул её значение для хирургии войны. Нет сомнения, что Сталин велит издать книгу». Действительно, через полтора месяца (по военным временам срок весьма короткий) пришло письмо из Москвы: дирекция Медгиза просила высокоуважаемого профессора поскорее прислать окончательную рукопись «Очерков гнойной хирургии».

Летом 1943 г. 1-й секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) И.Г. Голубев с ведома более высоких инстанций приоткрыл перед архиепископом Лукой то, что было пока государственным секретом: в отношениях между советской властью и Православной церковью предстоят большие перемены. Голубев также намекнул Войно-Ясенецкому, что в недалеком будущем его пастырское служение будет более почётным и ему предстоит принять участие в избрании нового патриарха.

В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. И.В. Сталин принял ведущих архиереев Русской Православной церкви, подчеркнув при этом, что Советское правительство высоко ценит общественные усилия Церкви в настоящей войне. Затем состоялся Собор, избравший Патриарха Московского и Всея Руси Сергия, в котором в числе 17 архиереев участвовал архиепископ Красноярский Лука; 8 сентября малиновый колокольный звон оповестил жителей столицы об этом историческом событии. В эти военные годы вся Русская Православная церковь восставала из небытия.

Владыка Лука стал членом Священного синода. Теперь в его заявлении для газеты «Нью-Йорк Таймс» говорилось: «В Великой Революции, в социализме и коммунизме народы СССР познали новые принципы нравственности, основанной на долге перед родиной и государством, на товариществе в работе и жизни, во взаимном уважении... Безмерно велико совершенное революцией уничтожение экономических основ зла общественного и зла индивидуального. Но столь же велика задача искоренения источников зла в сердце человеческом, которую исполняет Церковь Христова по завету Своего Учителя и Главы. Проповедь любви и братства должна стать великим дополнением проповеди долга и товарищества».

В Красноярске осенью 1943 г. хирург-архиепископ стал уважаемой всеми властями фигурой. В списке лучших врачей края фамилия Войно-Ясенецкого стояла на первом месте. О ещё большем расположении местного начальства свидетельствовал «Список научных работников, получающих дополнительное снабжение через горторготдел», двадцатым в котором стоял врач-священнослужитель. По окончании работы в эвакогоспитале № 1515 он получил благодарственную грамоту Западно-Сибирского военного округа.

В это время профессором были опубликованы следующие статьи: «О раневом сепсисе», «Наш опыт лечения огнестрельного остеомиелита в госпиталях глубокого тыла», «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» и, наконец, в 1944 г. вышла в свет его научная монография «О течении хронической эмпиемы и хондратах».

В феврале 1944 г. по распоряжению министра здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякова врача-священнослужителя перевели в Тамбов на должность консультанта-хирурга размещённых здесь эвакуогоспиталей и городской больницы. Войно-Ясенецкий развернул обширную научно-практическую деятельность: работал по 8-9 часов в сутки и делал 4-5 операций ежедневно, вскоре после переезда сделал доклад об остеомиелите на окружной конференции врачей Орловского военного округа. Но из-за ухудшения зрения ему пришлось прекратить делать наиболее сложные операции (в частности, на грудной полости).

Но если дела медицинские в Тамбове сразу пошли хорошо, то церковные дела сначала не ладилась. Специальным указом Патриарха Московского Лука был назначен архиепископом Тамбовским. Но в Тамбовской епархии, где до революции действовало 110 приходов, осталось теперь две церкви. Тамбовский кафедральный храм, долгие годы использовавшийся как рабочее общежитие, доведен был до последней степени запустения. Многие тамбовские священнослужители также давно сменили профессию, подавшись на мирские должности. Архиепископ Лука без жалоб принял наследие атеистов и своих нестойких соратников, начал ремонтировать храм, собирать причт и вести службы, совмещая церковный труд с врачебными обязанностями. Уже к началу 1946 г. в результате работы владыки и инициированного им духовного подъема в Тамбовской епархии действовало 24 прихода.

В 1944 г. Войно-Ясенецкий завершил работу над новой книгой «О поздних резекциях при инфицированных ранениях больших суставов» и 2-м изданием «Очерков гнойной хирургии». Обе книги были незамедлительно изданы, причём при издании «Очерков» в Медгизе решили исключить из книги имевшееся в предыдущем издании предисловие В.С. Левита и А.И. Мануйлова, так как теперь этот фундаментальный труд ввиду своей самодостаточности не нуждался ни в каком предисловии.

В январе 1945 г. вышло Постановление Правительства СССР «О присуждении Сталинских премий», в котором сообщалось; «Войно-Ясенецкому, Валентину Феликсовичу, профессору, консультанту-хирургу эвакуогоспиталей Тамбовского областного отдела здравоохранения за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах "Очерки гнойной хирургии", законченном в 1943 г., и "Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов", опубликованном в 1944 г., присуждена Сталинская премия первой степени в размере 200 000 рублей».

За большие заслуги перед Русской Православной Церковью архиепископ Тамбовский Лука в феврале 1945 г. Патриархом Московским Алексием I (сменившим умершего в конце 1944 г. Сергия) был удостоен права ношения бриллиантового креста на клобуке. А летом 1945 г. Войно-Ясенецкий был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В 1945 г. профессор А.И. Кассирский опубликовал в газете «Медицинский работник» хвалебную статью о научных трудах хирурга-архиепископа.

Поток поздравлений обрушился на некогда гонимого священника. Но он мудро воспринял их как признание заслуг церкви, о чем писал сыну Михаилу в августе 1945 г.: «Множество поздравлений отовсюду. Патриарх, митрополиты, архиереи, Карпов (*председатель Совета по делам Русской Православной церкви* – прим. авт.), Митерев (*нарком здравоохранения СССР* – прим. авт.), Третьяков, Академия Медицинских наук, Комитет по делам высшей школы, Богословский институт, профессора и проч., и проч. превозносят чрезвычайно... Моя слава - большое торжество для Церкви».

Когда Войно-Ясенецкий получил денежную часть премии - 200 000 рублей, – он решил 65% её пожертвовать на помощь сиротам–жертвам войны. Тогда между ним и вождём страны произошёл следующий обмен телеграммами:

«Москва. Генералиссимусу И.В. Сталину.

Прошу Вас, высокочтимый Иосиф Виссарионович, принять от меня 130 000 рублей, часть моей премии Вашего славного имени, на помощь сиротам, жертвам фашистских извергов. Тамбовский Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, профессор хирургии»;

«Тамбов, тамбовскому архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, профессору хирургии. Примите мой привет и благодарность Правительства Союза ССР за Вашу заботу о сиротах, жертвах фашистских извергов. Сталин».

Фигура профессора-архиепископа даже стала играть некоторую роль в повышении международного авторитета СССР. Так, в конце войны он опубликовал в американской «Нью-Йорк Таймс» статью «Бог благословляет справедливую войну против германских фашистов». А сразу после войны группа французских юношей и девушек перешла в Православие, сославшись в своём заявлении на пример христианских учёных в СССР - Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луки Войно-Ясенецкого.

В условиях монополии на ядерное оружие у бывшего главного союзника - США (в СССР тогда оно спешно создавалось) необходимо было в глазах широкой мировой общественности создать мнение о недопустимости его применения. Началась борьба за мир под руководством вначале секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а затем М.А. Суслова - пышные конгрессы, многолюдные манифестации, потоки пропагандистских материалов в средствах массовой информации. В каждом номере газет и журналов публиковались речи

в защиту мира, политические выпады против «врагов мира», описание торжественных форумов. К этой деятельности привлекались церкви. От лица Русской Православной церкви так называемой «миротворческой работой» руководил митрополит Киевский Николай, его ещё в конце войны часто видели на многих мероприятиях советской общественности. Архиепископ Тамбовский Лука тоже активно включился в эту деятельность, тогда им были опубликованы статьи «К миру призвал нас Господь» и «Защитим мир служением добру».

Однако прошло совсем немного времени и отношение властей к нему начало меняться. Уже в начале 1946 г. Войно-Ясенецкому запретили выступать на научном съезде хирургов в архиерейском облачении. А вскоре патриархия получила от Г.Г Карпова распоряжение убрать упрямого архиепископа подальше от Москвы.

Одним из последних значимых для преподобного Луки дел в Тамбове была заупокойная всенощная 27-28 февраля 1946 г., в канун дня 10-летия смерти академика Ивана Петровича Павлова, посвящённая памяти корифея, которого очень чтит Войно-Ясенецкий. Для него религиозность настоящего учёного, каким он считал И.П. Павлова, являлась некоей гарантией против безнравственности научного поиска, против бесчеловечности будущих открытий. Только в единении с Богом могут быть созданы подлинные научные ценности. Для достижения самых высоких научных вершин, по мнению архиепископа, исследователю надлежит быть отмеченным «перстом Божиим», его труд должен быть благословенным.

В апреле 1946 г. указом Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Лука был назначен архиепископом Крымским и Симферопольским. Несмотря на то, что незадолго до этого владыка выражал пожелание занять более значительную Одесскую кафедру (к тому же там жил его младший сын Валентин), патриарх мотивировал своё решение заботой о здоровье архиепископа. Приехав в Симферополь, он, пренебрегая бытовыми неудобствами, сразу окупился в пастырскую деятельность. Владыка Лука, насаждая благочестие в вверенной ему епархии, искоренял всяческие служебные отклонения от церковных канонов, утвердившиеся за годы гонений, в частности, строго запрещал священникам совершать крещение без огласительных бесед. В очередном распоряжении по епархии архиепископ писал: «Именно строгостью исповеди, страхом Божиим надо воздействовать на духовно распущенных людей. Надо потрясать их сердца». Он увещевал священников и дьяконов к ревностному служению, к неукоснительному исполнению обязанности учить народ словом проповеди. Но в Московской патриархии как будто не замечали рвение преподобного Луки. Наоборот, со стороны патриарха Алексия I в отношении к нему отмечалась некоторая настороженность. Так, в 1948 г. Православная

Церковь отмечала пятисотлетие своей автокефалии, но архиепископ Лука не был приглашён в Москву.

С медицинской деятельностью у Войно-Ясенецкого в Симферополе было ещё хуже. Когда он переехал в Крым, директор Симферопольского медицинского института сделал вид, что о его приезде ему ничего не известно. О занятии им кафедры даже не могло быть речи. В начале 1947 г. архиепископ Лука писал сыну: «Мои доклады в Хирургическом обществе и на двух съездах врачей имели огромный успех. В Обществе все вставали, когда я входил. Это, конечно, многим не нравилось. Началась обструкция. Мне ясно дали понять, что докладов в своём архиерейском виде я больше делать не должен. В Алуште мой доклад (по просьбе врачей!) сорвали. Я дал согласие два раза в месяц читать лекции по гнойной хирургии и руководить работой врачей в хирургических амбулаториях. И это сорвали. Тогда я совсем перестал бывать в Хирургическом обществе». Признанного учёного-хирурга перестали публиковать в научно-медицинских изданиях. В 1948 г. он жаловался заместителю министра здравоохранения СССР, что медицинские журналы не публикуют его научных статей, а Издательство медицинской литературы отказывается переиздать монографию «Регионарная анестезия». Тем не менее, с момента переезда в Симферополь Валентин Феликсович объявил бесплатный врачебный прием, и сотни больных со всего Крыма хлынули на 2-й этаж архиерейского дома на Госпитальной улице.

В это время он всё чаще задумывался над философскими проблемами религии и науки. Ещё в 1945 г. преподобный Лука начал собирать материал для серьёзного философско-богословского сочинения о проблемах христианской антропологии (возможно, труды католического философа и антрополога, иезуита Терьяра де Шардена вдохновили его на это). Оно естественно вытекало из прежних его раздумий о науке и религии, о своей собственной роли по отношению к этим человеческим феноменам. Войно-Ясенецкий пришел к выводу, что основные христианские принципы, саму веру можно обосновать для неверующих, пользуясь научными аргументами. В этом плане он следовал лютеранскому богослову Шпеннеру, который писал: «Бог сокрыт, пути Его - не наши пути. Его мысли - не наши мысли. Но в точных естественных науках, где Его творения физически осязаемы, мы имеем надежду попасть на след Его намерений относительно Мира» [Spenner P.J., 1675].

В Крыму владыка продолжил работу над книгой, получившей название «Дух, душа и тело», которая, хотя и предназначалась для религиозного просвещения, затрагивала много интересных вопросов на стыке богословия, философии, антропологии и физиологии. Обычно путь духовного возрастания для верующего человека лежал от веры

к знаниям, но так как для материалистов он неприемлем, преподобный Лука предложил им путь от знаний к вере. Рассматривая трехсоставность человеческого существа, взаимоотношение духа, души и тела, он утверждал христианское понимание природы человека в противовес атеистическому. Автор использовал работы философов Александрийской школы, труды Парацельса, Кампанеллы, Лютера, Канта. Архиепископ был особенно солидарен с Иммануилом Кантом, считавшим, что человеческая душа связана с двумя мирами: миром материальным, когда она образует с телом единое целое, и одновременно она находится в неразрывной связи со всеми нематериальными сущностями духовного мира. Человек же – лишь только начальная ступень в иерархии бесконечного духовного совершенствования.

Главная идея книги заключалась в том, что всё мироздание проникнуто и связано в единое целое тончайшими нитями особой духовной энергии, являющейся прародительницей других форм физической энергии. «Духовная энергия, истекающая от Духа Божия, энергия любви, движет всей природой и всё животворит... - писал автор. - Один великий закон развития управляет всем мирозданием... Не может быть резкой границы между «мертвой» природой и миром живых существ... Духовной энергией проникнута вся неорганическая природа, но только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает своего свободно самосознающего духа» [Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука), 1978]. Апеллируя к учению И. П. Павлова об условных рефlekсах, преподобный Лука резюмировал: «Мы полностью принимаем это глубокое научное представление о деятельности сознания, но только не считаем его исчерпывающим». И далее делал вывод: «В актах и состояниях сознания всегда участвует наш дух, определяя и направляя их. В свою очередь, дух растёт и изменяется от деятельности сознания, от его отдельных актов и состояний». Автор также опирался на положения французского философа А. Бергсона, который в своей работе «Душа и тело» утверждал, предвидя описание мозга как кибернетического центра человеческого организма: «Мозг не что иное, как нечто вроде телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавляет к тому, что получает», [Bergson H., 1920]. Поэтому на основе павловского и бергсоновского представлений Войно-Ясенецкий делал вывод: «Мозг не орган мысли, чувства, сознания, но он приковывает сознание, чувство и мысль к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию. Мозг, собственно, орган внимания к жизни, принаравливания к действительности».

В своей книге преподобный Лука рассматривал такую сложную проблему философии и физики как время и пространство в междисциплинарном контексте. Как

утверждал автор, наряду с материальной природой существует особая совокупность надэмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности. Развивая это положение, архиепископ писал: «Если волнообразное движение признается в физике основой материальных явлений, то почему оно должно быть обязательно приложимо к явлениям высшего порядка, происходящим в мире нематериального? Почему не допустить, что в этом мире действуют совсем другие, неизвестные нам законы, а духовная энергия любви, симпатии и антипатии может действовать вне времени и пространства, без всякого волнообразного движения?».

Привлекая данные физиологии автор утверждал: «... все процессы в нервной системе требуют для своей реализации определенного времени, причём это время может быть очень незначительным, измеряться долями секунды. Время требуется для прохождения раздражения от рецептора по его чувствительному нерву, и притом тем большее, чем длиннее этот нерв. Время требуется для образования ответной реакции в нервных клетках, воспринявших это раздражение и для передачи этой реакции по двигательному нерву. Во времени протекают все мыслительные и чувственные процессы, совершающиеся в головном мозгу. И если бы можно было сложить время всех психических процессов, имеющих место во всей нашей жизни, то получилась бы очень солидная сумма времени. А, следовательно, невозможно, чтобы в мозгу, в ходе практически мгновенного воспоминания всей жизни, эти процессы были бы воспроизведены во времени. А если, тем не менее, они все-таки протекают с трансцендентальной быстротой, то мы вправе заключить, что это совершается не в мозгу. Где же в таком случае?» Как богослов, он давал такой ответ: «Дух сразу обнимает всё и мгновенно воспроизводит всё в его целостности». Своей книгой владыка хотел показать, что ничто не препятствует гармоническому сосуществованию веры и науки.

К 1948 г. архиепископ Лука завершил этот труд, но издать его не то что в государственном издательстве, но и в издательстве патриархии оказалось невозможным (впервые книга была издана в Брюсселе в 1978 г., а в России - мизерным тиражом в Сыктывкаре в 1993 г.). Тогда же, в 1948 г. архиепископ Лука начал читать в симферопольском кафедральном соборе серию проповедей, излагающих основные мысли рукописи «О духе, душе и теле». Курс этот Лука задумал довести до сведения своей паствы на ранних обеднях, выступая по возможности ежедневно. Несколько таких проповедей было произнесено. Но об этом донесли в Москву. В секретном письме 1-го секретаря Крымского обкома ВКП(б) Н.В. Соловьева от 28 октября 1948 г. говорилось: «Вся "религиозная" деятельность Луки носит ярко выраженный антисоветский характер... В своих проповедях Лука открыто и систематически проповедует сочувствие к царскому

самодержавию и ненависть к советскому строю и его руководителям... В силу особого положения Крыма, как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма». Г.Г. Карпов выразил своё недовольствие патриарху. Алексей I немедленно направил в Симферополь послание, в котором запретил Крымскому архиепископу читать «курс», а заодно напомнил, что подобает ему, дабы не ронять архиерейское достоинство, выступать перед верующими только по праздникам и говорить не более десяти минут.

Тогда преподобный Лука решил представить свой труд как богословскую диссертацию в Московскую духовную академию. Но духовная академия не пожелала признать эту работу. Рецензентов-богословов, зависимых от советской власти, рукопись пугала своим открытым несогласием с государственной естественнонаучной доктриной. Не по вкусу пришёлся профессуре духовной академии сильный научный дух сочинения. Непривычно им было читать в богословском трактате про электроны, протоны, нервные рецепторы и павловские рефлексy. Церковным иерархам также не нравилось, что автор слишком часто цитировал католических и протестантских авторитетов. Таким образом преподобного Луку лишали возможности творческого самовыражения даже собратья по Церкви.

В это время ввиду изменившейся международной ситуации (набирала обороты «холодная» война) снова стали закрывать храмы. Для создания видимости законности этих действий, МГБ СССР выработал ряд правил, по которым храм мог быть закрыт. Одно из них гласило, что храм подлежит закрытию, если в нём 6 месяцев нет священника. Священников в Крыму, как и по всей стране, не хватало, и к осени 1949 г. симферопольский уполномоченный по делам Русской Православной церкви погасил лампы в храме города Старый Крым, а затем в селах Желябовке и Бешарани. В опасности оказались церкви ещё нескольких населённых пунктов Крыма. Архиепископ Лука всеми силами стремился спасти церкви. Он переводил священников в пустующие храмы, направлял их из городов в села. Некоторые священники были недовольны этим и даже жаловались в Московскую патриархию. Владыка также стремился привлечь в Крым священнослужителей из других областей страны. Но и здесь ему препятствовали: милиция не прописывала приезжих. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви составлял «дела» то на одного, то на другого священника и требовал, чтобы архиерей увольнял неугодных. Архиепископ Лука до последней возможности защищал достойных пастырей.

Но неожиданно пришла удача на научно-медицинском поприще. Весной 1949 г. Войно-Ясенецкий получил согласие Медгиза на выпуск переработанной монографии по регионарной анестезии. И тут же, на Пасху 1949 г., в самое горячее для священнослужителя время, отправился в Москву. Его жизнь в столице мало походило на

жизнь командированного в Патриархию. Преподобного Луку редко видели в приёмной Патриарха, другое дело занимало его. «За две недели, работая в медицинской библиотеке по шесть часов в день, я с отличным успехом проделал огромную работу: просмотрел и прочитал 450 литературных источников по регионарной анестезии, и все на иностранных языках. Теперь остается прочитать в Симферополе статьи в русских журналах, часть английской книги на 200 страниц... останется написать 75–100 страниц, и будет новая книга...», - восторженно писал Войно-Ясенецкий сыну. Среди «заказанных и проработанных изданий», кроме книг и статей по хирургии, были работы по различным областям естествознания и философии – этот материал преподобный Лука подбирал для задуманной ещё в 1920-е годы научно-публицистической статьи о соотношении науки и религии.

Однако последствия исключительно напряженной работы сказались на его зрении. Пришлось поехать в Одессу к знаменитому В.П. Филатову, с которым завязались дружеские отношения (как и И.П. Павлов, одесский учёный-медик был очень религиозен). Крупнейший офтальмолог долго осматривал Войно-Ясенецкого и сказал, что до слепоты ещё далеко, дал программу консервативного лечения. «Филатов нашел у меня помутнение хрусталика, которое будет прогрессировать медленно, и способность читать сохранится на несколько лет (от трех до десяти)», - сообщал архиепископ Лука родным.

В конце 1949 г. симферопольские военные медики направили к Войно-Ясенецкому своего представителя М.Ф. Аверченко с просьбой поделиться с ними своим врачебным опытом. Владыка с радостью согласился консультировать в военном госпитале. К приезду консультанта все отделения госпиталя готовили обычно самых тяжелых больных. Теперь он получил возможность оперировать, и был очень счастлив. Но уже в июне 1951 г. преподобный Лука с сожалением писал: «От хирургии я отлучен за свой архиерейский сан, и меня не приглашают даже на консультации. От этого погибают тяжёлые гнойные больные...». Правда, за ним сохранили амбулаторный приём.

В это время Войно-Ясенецкий работал над религиозно-философским трудом «Наука и религия». Его могучий интеллект, одухотворенный глубокой и искренней верой в Бога, смог точно и всеобъемлюще решить проблему соотношения этих феноменов. «Религия потому движет науку, что в религиозном опыте мы вступаем в контакт с вечным Разумом, Голосом мира. *Кто любит Бога, тому дано знание от Него.* Не потому ли часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, которые были и великими учеными, и великими христианами... Самые качества упорного исследования - самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение - являются более всего продуктами религии. ... Наука без религии - небо без солнца. А наука, облеченная светом религии, - это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира. *«Я свет миру. Кто*

последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни», - так говорит Христос. И теперь понятно, почему в жизни учёных религия играла такую выдающуюся роль», - писал архиепископ [Войно-Ясенецкий В.Ф., 2000]. Он закончил систематическое изложение своей концепции соотношения религии и науки в 1954 г., подготовив эссе к печати. Это было исключительно глубокое, уникальное произведение, не имеющее аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Однако к читателю оно пришло только через 46 лет, когда впервые было напечатано в качестве приложения к очередному изданию «Очерков гнойной хирургии».

У профессора-священнослужителя, много работающего и пишущего ещё больше ухудшилось зрение на оставшийся единственный глаза. Исчезло ощущение цвета, предметы обратились в тени. Теперь на приёме профессору приходилось спрашивать у секретаря, какого цвета у больного опухоль, как выглядят у пациента кожные и слизистые покровы. В конце концов, врач-архиепископ вынужден был отказаться и от приёма больных, и от подготовки 2-го издания «Регионарной анестезии». Осенью 1952 г. профессор В.П. Филатов, состоявший с Войно-Ясенецким в переписке, предложил ему предварительную операцию - иридэктомию. Но преподобный Лука в Одессу не поехал: решил, что у него, как у диабетика, операция может окончиться нагноением. Прошёл ещё год: В.П. Филатов собирался в Крым, он хотел осмотреть и чем-то облегчить состояние владыки, но неожиданная болезнь расстроила поездку. В доме Симферопольского архиепископа надежды снова сменились унынием.

А поводов для этого было больше, чем достаточно. В это время руководство идеологической и организационно-партийной жизнью в стране оказалось в руках 1-го секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва, человека, в отличие от И.В. Сталина, совершенно чуждого каких-либо религиозно-нравственных устоев. Опять усилились гонения на церкви и антирелигиозная агитация; 7 июля (в день Рождества Крестителя Иоанна) 1954 г. было принято Постановление ЦК КПСС «Об улучшении научно-атеистической пропаганды». Возобновилась прекратившиеся во время войны и послевоенные годы травля верующих, публичные оскорбления и аресты священников, закрытие храмов, разгон «общественностью» церковных праздников. Эти события напомнили людям старшего поколения события 1920-30-х годов.

В Симферополе, как и в других епархиальных центрах, вскрывали письма архиепископа и подслушивали его телефонные разговоры. После июльского постановления ЦК возникла новая должность при местных отделениях МГБ: городской церковный фотограф. Этот человек каждый день обходил храмы и фотографировал прихожан в лицо. Слабые духом, боясь преследований, переставали появляться в церквях,

а кто не боялся - попадал в досье соответствующих органов на случай новых расследований. В декабре 1954 г. в Симферополе проходил съезд священников Крымской епархии. Архиепископ Лука выступал с докладом, в котором указал, что из 58 церквей в Крыму осталось 49 (остальные были закрыты) и что в опасности ещё два храма. Владыка открыто говорил о том, что пропаганда, тайные и явные формы нажима на верующих делают своё дело - храмы пустеют. О постановлении ЦК КПСС и докладе Н.С. Хрущева архиепископ сказал кратко: «Я не счёл нужным опровергать эти выступления в печати. Я ограничился одной проповедью на тему: "Не бойся, малое стадо"». Даже через два десятилетия симферопольские жители все ещё помнили об этой проповеди в день Покрова Пресвятой Богородицы в 1954 г.

В 1956 г. Войно-Ясенецкий полностью ослеп. Вскоре после этого в Крым приехал ближайший ученик В.П. Филатова доцент И.Н. Шевелев. Однако офтальмолог уже ничего не мог сделать. Он диагностировал у архиепископа далеко зашедшую глаукому. Операция была бы очень рискованной и, в лучшем случае, могла бы дать лишь незначительное восстановление зрения, но не способность читать. Ещё задолго до потери зрения владыка, предполагая несчастье, писал: «Князь Василий Темный сказал ослепившему его: “Ты дал мне средство к покаянию”». После того, как он полностью потерял зрение, никто не слышал от него жалоб или ропота. «Я принял, как Божию волю, быть мне слепым до смерти, и принял спокойно, даже с благодарностью Богу. Свою слепоту переношу благодушно и с полной преданностью воле Божией», - диктовал в своих воспоминаниях преподобный Лука.

Большой радостью для Войно-Ясенецкого было 3-е издание в 1956 г. его монографии «Очерки гнойной хирургии» (теперь в соавторстве с ленинградским хирургом А.В. Колосовым и чрезвычайно лестным предисловием академиков А.Н. Бакулева и П.А. Куприянова). Экземпляр книги Войно-Ясенецкий послал Московскому патриарху Алексию I. В это время архиепископ Лука серьезно беспокоился, не лишат ли его, незрячего, архиерейской кафедры. В этих раздумьях не последнее место занимала и судьба родственников. Для беспокойства было достаточно оснований, поскольку каноническое правило, принятое на одном из Вселенских Соборов, гласило, что слепой не мог быть епископом. Хотя это правило не относилось к строго исполняемым, тем не менее, кое-кто из обиженных владыкой крымских священников, да и некоторые деятели в Московской патриархии несколько раз поднимали вопрос о епископе, который занимает своё место «не по закону». Два года положение владыки оставалось крайне неустойчивым. Трижды патриархия командировала в Крым комиссию, чтобы проверить, как слепой архиерей исполняет свои обязанности. Отзывы, очевидно, были получены

положительные, и патриарх Московский Алексей I в конце концов оставил беспокойного архиерея на месте. И сделал он это со свойственной ему аристократической деликатностью. В день восьмидесятилетия архиепископа Луки - 27 апреля 1957 г. - кроме поздравительной телеграммы, прислал юбиляру икону Святителя Алексия. А вскоре владыка был избран почётным членом Московской духовной академии.

В 1958 г. Войно-Ясенецкий начал диктовать воспоминания своему секретарю Е.П. Лейкфельд, которые назвал «Я полюбил страдания». Эти воспоминания и сейчас представляют несомненный интерес, хотя в них имеются некоторые временные расхождения с реальными событиями и они обрываются на мае 1946 г., когда владыка Лука был переведен в Симферополь. Впервые они были изданы лишь в 1995 г.

В 1958-1959 гг. обстановка в Крымской епархии всё более накалялась. Об этом свидетельствовали продиктованные архиепископом записи: «По горло занят тяжелыми епархиальными делами и трудными отношениями с уполномоченными»; «Очень мучает и волнует постепенное закрытие церковью уполномоченным»; «Епархиальные дела становятся всё тяжелее, по местам доходит до открытых бунтов против моей архиерейской власти. Трудно мне переносить их в мои восемьдесят два с половиной года. Но уповаю на Божью помощь, продолжаю нести тяжкое бремя»: «Приехал член Совета по делам Православной Церкви для проверки заявлений на уполномоченного. Ничего хорошего не принес и этот его приезд. Мне стало понятно: жалобы мои дадут мало результатов».

В марте 1960 г. Совет по делам Православной Церкви представил Синоду проект церковно-приходской реформы, в результате которой епископы и приходские священники лишались всякой власти. Это привело в отчаяние владыку Луку, который диктовал: «Я всецело захвачен и угнетен крайне важными событиями в Церкви Русской, отнимающими у всех архиереев значительную часть их прав. Отныне подлинными хозяевами церкви будут только церковные советы и двадцатки, конечно, в союзе с уполномоченными. Высшее и среднее духовенство останутся только наёмными исполнителями богослужений, лишёнными большей части власти в распоряжении церковными зданиями, имуществом и деньгами».

В такой тяжёлой обстановке завершался жизненный путь архиепископа, тяжкие душевные переживания сказывались на его состоянии. Отдых в Алуште летом 1960 г. не дал результатов – архиепископ оставался бледным, исхудалым, отказывался от пищи. Он угасал: стал сильно уставать от служб, от проповедей, уставал от епархиальных дел, от разговоров с посетителями. Последнюю свою литургию архиепископ Крымский и Симферопольский отслужил на Рождество 7 января 1961 г., последнюю свою проповедь произнес в Прощёное воскресенье 1961 г., попросив прощения у

прихожан. Проповеднического долга он не оставлял до последней минуты. Утром 11 июня 1961 г., в воскресенье, когда Православная церковь праздновала память Всех Святых, в земле Российской просиявших, преподобный Лука почил в бозе.

Перестало биться сердце, горевшее пламенной и деятельной любовью к Богу и к людям. По всему Крыму говорили о кончине архиепископа, передавали подробности о его строгой жизни, добрых делах, его высоких нравственных требованиях к верующим и духовенству. Даже люди, далекие от Церкви понимали: ушла из жизни личность незаурядная. Панихиды следовали одна за другой, дом до отказа наполнился народом, люди заполнили весь двор, внизу стояла громадная очередь. Первую ночь владыка лежал дома, вторую - в Благовещенской церкви, а третью - в кафедральном соборе. Всё время звучало Евангелие, сменяли друг друга священники, а люди всё шли и шли непрерывной вереницей поклониться любимому пастырю, врачу и человеку. Здесь были приехавшие из разных мест: из Херсона, Мелитополя, Геническа, Скадовска. Поток стихал часа в четыре ночи, а затем снова одни люди сменялись другими, снова лились тихие слезы, что нет теперь молитвенника, что «ушёл наш святой». И тут же вспоминали о том, что сказал владыка, как вылечил, как утешил.

Но и усопший праведник вызывал неприязнь властей. Как вспоминал его сын Михаил, «родных архиепископа вызвали в горисполком и объяснили, что везти тело по главной улице Симферополя никак нельзя. Хотя путь от собора по главной магистрали близок, но похоронная процессия затруднит городское движение. Поэтому маршрут для неё проложили по окраинным улицам. Руководство города не пожалело автобусов, предложили тридцать машин, только бы не возникло пешей процессии, только бы мы поскорее доставили тело отца на кладбище». По поручению Московской патриархии на похороны приехал архиепископ Тамбовский Михаил. Он совершил отпевание почившего при огромном стечении верующих и при сослужении почти всего крымского духовенства. Позже преподобный Михаил вспоминал об этом событии: «Я распорядился, чтобы прощание с Владыкой не прекращалось всю ночь, и всю ночь к Собору шли люди. Дни стояли жаркие, душные, но те, кто пришел прощаться, как будто не замечали духоты. Народ теснился в Соборе и вокруг него круглые сутки. В полдень 13-го, когда мы обнесли тело покойного Владыки вокруг Собора, у входа уже стоял автокатафалк, пригнанный из Севастополя. А за ним - колонны автобусов. Приготовились к последнему пути: впереди катафалк, за ним машина, доверху наполненная венками, потом легковая машина для архиепископа, автобусы с родственниками, духовенством, певчими. Оставалось ещё несколько машин для мирян, желающих участвовать в проводах, но в эти автобусы никто садиться не хотел. Люди тесным кольцом окружили катафалк, вцепились в него руками,

будто не желая отпускать своего архиерея. Машины долго не могли двинуться со двора. Запаренный, охрипший уполномоченный бегал от машины к машине, загонял в автобусы, уговаривал «лишних и посторонних» отойти в сторону, не мешать. Его никто не слушал. Наконец, кое-как с места сдвинулись. По узким улочкам Симферополя катафалк и автобусы могли идти со скоростью, с которой шли пожилые женщины. Три километра от Собора до кладбища мы ехали около трех часов...»

Архиепископ Лука был погребён на городском кладбище в Симферополе, справа от главного входа в кладбищенскую церковь. На белом мраморном памятнике над могилой была высечена надпись:

АРХИЕПИСКОП

ЛУКА

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ

27/IV 1877 — 11/VI 1961

Доктор медицинских наук, профессор хирургии

Лауреат

В некрологе, помещенном в «Журнале Московской Патриархии» (1961, № 8), Русская Православная церковь так почтила память архиепископа Луки: «До конца дней своих он сохранил живую, отзывчивую, обаятельную душу, нежно любящую людей... И вот *время отшествия его наступило*. Он ушёл от нас, чтобы предстать пред Господом и дать ответ за себя и за свою многочисленную паству. Живя на земле, он *подвигом добрым, подвизался, течение совершил, веру сохранил* (II послание Павла Тимофею. 4; 7). Теперь же на небе, дерзаем надеяться, Господь уготовал ему *венец правды... как возлюбившему явление Его* (II послание Павла Тимофею. 4; 8)».

Но не только некрологи и памятные статьи к юбилейным датам в Православных изданиях свидетельствовали о большом авторитете преставившегося архиерея. В народе о нём слагали легенды. Так, получила распространение легенда, будто бы Войно-Ясенецкий встречался и беседовал со Сталиным. На самом деле такой встречи никогда не было, а поводом, возможно, послужила неопубликованная статья архиепископа Луки, посвящённая 70-летию вождя, которая ходила в списках. Согласно легенде, Сталин задал владыке «каверзный» вопрос: «Профессор! Во время операции Вам ведь не приходилось встречаться с человеческой душой?». «С совестью мне тоже не приходилось встречаться, но она тем не менее существует», - держал ответ преподобный Лука.

Войно-Ясенецкий оставил исключительно богатое научное и духовное наследие. Значение его научно-медицинских и религиозно-философских сочинений огромно. За 38 лет священства владыка прочитал 1250 проповедей, из которых 750 записаны и составили

12 томов, в общей сложности около 4500 страниц машинописи. Эти проповеди оставались в памяти большого числа верующих и передавались в устном изложении. А ещё в памяти народной осталось неизгладимое впечатление об искусном, мудром и бескорыстном целителе, вылечившем тысячи больных.

Чудеса исцелений душевных и телесных недугов, во множестве происходившие на могиле владыки Луки, всенародное почитание его подвигло священноначалие Украинской Православной Церкви Московского Патриархата к внимательному изучению его жизни и трудов на предмет причисления к лику месточтимых святых. В результате деятельности Комиссии по канонизации святых Украинской Православной Церкви были составлено житие, служба и акафист, написана икона.

Определением Синода Украинской Православной Церкви Московского патриархата от 22 ноября 1995 г. архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен к лику Святых. 20 марта 1996 г. состоялось перенесение мощей святителя Луки в Свято-Троицкий собор Симферополя, а 25 мая 1996 г. - торжественный акт причисления Высокопреосвященного Луки к лику месточтимых святых. На торжестве присутствовали: Предстоятель - Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и Всея Украины – и 6 представителей епископата Украинской Православной церкви, председатель Верховного Совета Автономной Республики Крым Е.В. Супрунюк, председатель Симферопольского городского Совета В.Ф. Ермак, гости из многих областей Украины и других стран. На панихиде архиепископ Симферопольский и Крымский Лазарь отметил: «Впервые на крымской земле происходит событие исключительной важности. Яркая личность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) видится нам сегодня спасительным маяком, к которому каждый из нас должен направлять свой взор, по которому должны ориентироваться общественные силы, ищущие возрождения нашего народа». В крестном ходе от могилы до кафедрального собора участвовало около 40 тысяч человек.

С 1996 г. согласно постановлению Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, ежегодную память святителя Луки надлежит праздновать в день его блаженной кончины, 11 июня. В 2000 г. на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было установлено всероссийское почитание святителя Луки, исповедника, архиепископа Симферопольского и Крымского. Таким образом память святителя Луки, почитаемая как в Украинской, так и во всей Русской Православной церкви, послужила единению русских, украинских и всех славян-православных, единению, понимаемому как *единство в истине – во Христе*. Недаром в катехизисе святителя Филарета (Дроздова) разъясняется, что молимся мы о соединении в единой святой соборной и апостольской Церкви, соединении в истине Православия [Никитин В.А., 2005].

Почитание святителя Луки получило широкое распространение и в зарубежных православных церквях, особенно в Греческой. Интересен недавно обнаруженный факт, что на одной из неоконченных фресок в храме Пресвятой Богородицы в городке Аксиуполи на севере Греции появилось изображение вождя Октябрьской революции Ленина, стригущего бороду святителю Луке, что символизирует преследования церкви со стороны большевиков. Автор фрески Костас Вафиадис настаивает, что подобные изображения допустимы в церкви, коль скоро они являются частью сюжетов, изображающих страдания святых мучеников и исповедников. Настоятель церкви преподобный Дорофей также поддерживает иконописца.

Сведения об авторе.

Н о в и к о в Юрий Юрьевич

- доктор философии;
- академик и член президиума Академии Русских предпринимателей;
- академик Российской народной академии наук;
- профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка;
- декан факультета менеджмента в сфере здоровья, медицины и социального развития и профессор Института Русского предпринимательства;
- руководитель отдела Института ноосферных разработок и исследований Международного экологического фонда;
- член президиума Всемирной лиги «Нравственность, творчество, безопасность и процветание»;
- заместитель председателя общественного совета Международного фонда «Русская соборность»;
- действительный член Российского философского общества и член бюро его секции «Философские проблемы ноосферы»;
- журналист, член Союза славянских журналистов, лауреат его конкурса «России верные сыны» (серебряная медаль);
- лауреат медали Парацельса Европейской академии естественных наук;
- кавалер Павловского Мальтийского креста Российского дворянского общества;
- *автор* 117 научных статей, тезисов докладов и методических разработок, 6 книг и брошюр.